

ВЛИЯНИЕ ПОЭТИКИ ЛУКРЕЦИЯ НА ГОРАЦИЯ (Ног., С., I, 1)

"Одиночество" Лукреция в истории античной литературы¹ — факт, свидетельствующий скорее всего о недостатке дошедших до нас сведений, чем о реальном положении дел. На то, что поэма была замечена современниками и ближайшими потомками, указывают не только непосредственно слова, например, Цицерона или Стация,² но и те многочисленные реминисценции, которые можно обнаружить у других авторов. Лукреций служил для них как источником "модного" в Риме эпикуреизма, так и творцом новых художественных форм, представляющих хороший образец для подражания.³ Сравнение элементов поэтического искусства, проявившихся в создании одной из сатир Горация (С., I, 1), с творческой манерой Лукреция вполне может способствовать исследованию вопроса о влиянии поэмы "О природе вещей" на литературный процесс "августовской эпохи".

Падение нравственности в римском обществе весьма волновало образованные слои населения, породив целую проблему.⁴ Поэтому и Гораций, в не меньшей степени разделявший чувства неприязни к процветанию всевозможных пороков, включился в поиски причин их порождения. Его первые поэтические труды нравственно-философского содержания кроме критики ложных благ обнаруживают сильнейшую тенденцию к осмыслению вопросов о выборе человеком правильного жизненного пути, о критериях в оценке счастья и способов его обретения. Греческая образованность Горация, "явная"⁵ ориентация на греческие образцы в поэзии, знакомство с канонами эпикурейской философии благодаря школе Филодема и Сирона не противоречат и тому, что поэту хорошо было известно сочинение Лукреция, а вместе с ним и различные стороны его поэтики. Примером весьма значительного воздей-

вия поэмы "О природе вещей" на стихотворческую эрудицию Горация⁶ может служить ряд параллелей и аналогий, лежащих в художественной сфере решаемых им задач. Схожесть поэтических мотивов, взятых в отдельности, не обязательно служит доказательством тому, что Лукреций был единственной "настойной книгой" для Горация. Но собранные вместе, они обнаруживают систему, восприятие которой серьезно говорит о внимательном прочтении поэмы, ставшей для поэта этапом как в образовании, так и в расширении творческого горизонта.

Зайствованная система проявляет себя в тематическом содержании и дидактическом элементе, в композиционном решении, в способах логической и поэтической аргументации, в приемах ведения доказательства, в интерпретации мифов, в лексических и смысловых аллюзиях.

Внешне разножанровые характеристики двух сочинений (сатиры из цикла "sermones" и философско-дидактическая поэма) восходят к одному питающему источнику - римской сатуре с ее дидактическими и литературно-полюемическими мотивами.⁷ Мы встречаем и одинаковый размер - дактилический гекзаметр, и равнозначные комплиментарные адресации Меценату (с. I, 1, 1) и Меммию (Lucr. I, 26 и пр.). Тематическое же содержание сатиры - рассуждения о нравственной жизни - и общая ориентация поэмы (ср.: Lucr. II, 1-61; III, 48-86, 978-1023, 1050-1069; V, 43-48) - базируются на единой философской основе, хотя и не всегда однозначно интерпретируемой. Гораций дважды подчеркивает свое отрицательное отношение к стоикам: в начале сатиры (ст. 13-14) - в виде насмешки над "болтуном" (loquax) Фабием Максимом, создателем нескольких книг в духе стоического направления, и в самом конце - при нелюбезном упоминании некоего Криспина "с воспаленными глазами" (lippus - 120), изложившего, по свидетельству схолиаста, в стихах правила стоической школы. Как можно понять из контекста, этот Криспин обладал не меньшей способностью много говорить. О философской ориентации Лукреция напоминать излишне, но нужно заметить, что при критике учения стоиков (см.: I, 329-417, 1052-1113) отношение к ним проявляется в достаточно сильных выражениях, например: ...vanus stolidis haec error falsa probavit (I, 1068). Примеча-

тельно, что Лукреций в отношении авторов, высказывающих иную, нежели он, точку зрения, нередко использует глагол *ingere* 'выдумывать, сочинять' с семантической окраской "пустого разговора, болтовни".

Композиционное решение сатиры Горация во многом аналогично принципу кольцевой композиции, применяемому Лукрецием как на уровне малых форм, при ведении доказательства, так и на уровне всего произведения.⁸ Этот принцип, создающий особое движение мысли, тяготеющее к возвращению в исходный пункт повествования (см.: ст. 108 - *Illic, unde abii, redeo*), полно и последовательно соблюден Горацием. Можно отметить, что данный аспект движения составляет существо кольцевого конструирования изложения в отличие от рамочной композиции, где сюжетный материал возводится на искусственно сооруженном каркасе со строгим соблюдением принципа симметрии. Вопрос, заданный поэтом в начале сатиры (ст. 1-3), выдвигающий постулат нравственного поведения - жить в соответствии с выпавшим жребием судьбы и довольствоваться потребным - через ряд подробных рассуждений автора превращается в резюмирующую констатацию (ст. 117-119), как если бы на вопрос "почему?" (ср.: *qui fit...* - 1) мы получили ответ "потому что!" (ср.: *unde fit...* - 117). Но в том-то и состоит композиционное искусство автора, чтобы суметь заключить ответ в самом процессе его размышления. Этот процесс, составляющий центр сатиры, распадается на различные сегменты развиваемой мысли: "Корень общечеловеческого зла скрывается в алчности и зависти; подстрекаемые ими люди всю жизнь выбиваются из сил, чтобы скопить побольше денег, которыми они, однако, вовсе не пользуются. Доводы, приводимые людьми в оправдание своего неразумного поведения, объявляются несостоятельными, жизнь же окутана не только безотрадно, но нередко оканчивается прискорбно. Расточительность - тоже крайность, а всякая крайность является заблуждением".⁹ Далее подводятся итоги, и читатель ориентируется на нужный вывод. Такой прием у Лукреция носит суггестивный характер, вовлекающий собеседника в процесс познания и создающий впечатление о сотворчестве читателя и автора.¹⁰

Система логической аргументации продумана достаточно ра-

Кроме того. Повторяя лукрециевскую (и не только его) манеру вести диалог с воображаемым оппонентом, Гораций удивительно похоже воспроизводит этический фон ситуации, описанной во Вступлении II у Лукреция (II, 1-61). Основная часть рассуждений сатиры (ст. 28-116) структурно состоит из четырех фрагментарных единств, включающих тезис оппонента, авторское опровержение и морализирующий вывод: ст. 28-42, 43-50, 51-60, 61-100 (у Лукреция вместо первого компонента используется риторический вопрос, - например, см.: II, 44, 45 и сл.). Фрагменты неоднородны между собой по количеству стихов (что обычно и для Лукреция); морализация же сводится к совокупности принципов, провозглашающих жизнь в соответствии с потребностями природы (ср.: Lucr., II, 17-21), в отсутствии богатства, излишеств (у Лукреция еще добавлены знатность и власть - *nobilitas, gloria regni* - II, 37-38), при соблюдении меры во всем. Основные выводы, к которым приходят оба поэта, несколько разнятся, что во многом объясняется неодинаковым взглядом на причины нравственного упадка сограждан. Для Лукреция - это страх перед смертью (например, II, 19, 45, 48 сл. и пр.). Для Горация - тоже страх, но перед утратой богатства (ст. 42, 76, 93, 99). Чувства эти вызываются соответственно, с одной стороны, незнанием устройства материального мира, с другой - жадностью и скаречностью. Поэтому Лукреций призывает на помощь силу познания (*rationis potestas* - II, 53), а Гораций находит выход в соблюдении пределов допустимой потребности, в рамках которой и заключается истинная добродетель (ст. 106-107).

Среди способов доказательства при опровержении контр-тезиса Гораций активно применяет приемы творческого метода Лукреция, заключающегося в объединении научных и художественных элементов. В соответствии с этим создаваемые поэтические картины (например: ст. 80-91, 94-100) являются не иллюстрациями, а своеобразными логическими доводами. Логический же прием "*reductio ad absurdum*", напротив, трансформируется в яркую картинку, исполненную с изрядной долей юмора (см.: ст. 15-22). Разумеется, говорить о "научном" аспекте аргументации у Горация мы можем в меньшей степени, чем у

Лукреция, поскольку первый опирается не на научные сведения, а вызывает к чувственному опыту собеседника, к его рассудку, пытается индуктивно или дедуктивно привести его к нужному результату.

В языке сатиры нередко встречаются пословицы (ст. 105: *est inter Tanaim quiddam vocerumque Viselli*), поговорки (ст. 94-95: *dives ut metiretur nummos*) и поэтические цитаты (ст. 62: *Nil satis est... quia tanti, quantum habeas, sis*. Ср.: Lucil., 1120 - *Tantum habeas, tantum ipse sies tantique habearis*). Широко используются ссылки на реальные лица (ст.: 14, 95, 101-102) и мифологические персонажи (ст. 20, 68, 100), сентенции типа *est modus in rebus* (ст. 106), иными словами, авторская полемика во многом напоминает стиль диатрибы, которой отдавал должное и Лукреций.¹¹

Вызывает интерес трактовка мифологических сюжетов. Их образы у обоих поэтов адекватно переосмысляются и одинаково способствуют реализации возложенных на них задач. Так, образы Венеры и Каллиопы у Лукреция - элементы поэтики как дань эпической традиции. Гораций, упоминая Юпитера, не видит в этом образе ничего большего, кроме возможности довести передаваемую ситуацию до гротеска (*Iuppiter ambas iratus buccas inflet* - ст. 20-21). В намеке на Тантала, а именно на его мучения в подземном царстве, по-разному интерпретируется мифологический сюжет: Лукрецию важно подчеркнуть аналогию между страхом людей перед богами (словно бы нагнетаемому сверху) и боязнью Тантала нависающей над ним скалы, чтобы сделать вывод о том, как люди сами себе творят реальный Аид в жизни (III, 978-983). Гораций обыгрывает другую версию. "Его" Тантал, который ("жаждущий ловит от гуд бегущие воды" - ст. 68) служит сравнением с человеком, буквально лежащим на мешках с деньгами и от жадности не имеющим возможности их тратить. Оксюморонное выражение "*indormis inhians*" (ст. 71) подчеркивает "страдания" персонажа, наводя на мысль о том, что если Тантал испытывает муки, будучи наказанным богами, то скупец терзается от мук, которые он создал себе сам. Однозначность выводов очевидна: ложные критерии счастья не приносят удовольствия и удовлетворения.

Однаково расценивается обоими авторами и сюжетная линия Агамемнон – Клитемнестра, отражение которой, пусть и с разных сторон (Лукреций вспоминает о жертвоприношении Ифигении – I, 84 сл., а Гораций намекает на убийство Клитемнестрой Агамемнона – ст.100), в целом позволяет полагать, что мифологическое прошлое рассматривается в обоих случаях как историческое и отнюдь не идеализированно.

Аналогию можно проследить и при экспликации мотива ристания (ср.: S., I, 1, 114–116 и Lucr., VI, 92–95), заканчивающего цепь рассуждений. У Лукреция этот мотив олицетворяет бесконечность процесса познания и одновременно указывает на близкое завершение поэмы.¹² В горациевской интерпретации мотив ристания символизирует бесконечность бессмысленного соперничества в накоплении богатства. Эта идея беспредельности, выражаемая через замкнутый (а значит, без конца и начала) круг ристалища, равным образом служит творческим устремлениям поэтов. Является ли картина конных состязаний поэтической метафорой соединения конечного и бесконечного (в умозрительном заключении обнаруживается такое, например, соотношение: одно состязание конечно, но бесконечен ряд состязаний), где условие ограничения регулируется исключительно волей индивидуума, и может ли эта метафора, задействованная в конце сочинения, быть правилом кольцевой композиции, сказать трудно. Но примечательно, что Вергилий, хорошо знакомый с творческой манерой обоих поэтов, завершает I и II книги "Георгик" мотивом ристания.

Картина состязающихся колесниц готовится Горацием заранее. Он словно держит ее в своем замысле, оставляя "на потом", и лишь иногда, будто невзначай, у него срываются отдельные элементы в виде слова *percurrat* (ст.24) – метафорического выражения, обозначающего стремление быстро довести дело до конца, как возница погоняющий лошадей к мете ристалища,¹³ или подобно синонимичной словоформе *currunt* (ст.30) – при упоминании кушцов, плывущих по морю. Из того же семантического ряда и приведенная поговорка: "Ut si quis asellum in campo doceat parentem currere fraenis" (90–91).

Наконец, встречающиеся лексические и смысловые аллюзии

еще раз говорят о том поэтическом восприятии поэмы "О природе вещей", которое столь глубоко проникло в творческое сознание Горация. Так, полустигиие "Cetera de genere nos..." (ст.13) повторяет полностью стихи Лукреция IY, 462 = IY, 832 и напоминают его манеру прекращать перечисление примеров и начинать следующее предложение многозначным и резюмирующим *cetera...* (ср.: II, 676; III, 143; IY, 971; VI, 50 и пр.).

В стиле Лукреция выполнено, как представляется, и микроотступление, где автор сатиры объясняет несколько шутливый тон своего изложения:

Ладно, чтоб не хохотать, как над шутками сельских комедий,
Я погоню (впрочем, весело нам о правдивом
Кто запретил говорить? Бывало ведь: детям сухарик
Сладкий учитель давал, поощряя выучивать буквы)
(ст.23–26, пер. В.Г.Степанова).

Подобно автору поэмы, объясняющему выбор поэтической формы дополнительно и желанием "подсластить горькие пилюли философского трактата прелестью поэтической речи", словно врач, обмазывающий края чаши с горьким лекарством (I, 933–950), Гораций приправляет шуткой "правдивую речь", как учитель, который дает ребенку сласти, чтобы вызвать желание учиться.

Завершая повествование, поэт с сожалением замечает, что трудно найти человека, который "ae vixisse beatum dicat et exacto contentus tempore vitae cedat, uti conviva satur..." (II7 сл.). Эта фраза легко соотносится со словами Лукреция: "Mors ad caput adstitit ante quam satur ac plenus rosis discedere geram" (III, 959 сл.). В данном случае идентичны не только мысль о необходимости полной, насыщенной благами делами жизни и подтверждение того, что мало имеется людей, считающих себя окончательно счастливыми, но и одинаково решение образа через сравнение с насытившимся на шире сотрапезником.

Отмеченное сходство мотивов и приемов, разумеется, не мешает выявлению самостоятельности авторов в решении выдвигаемых ими проблем. Каждый из них идет своим путем, зависящим от личного дарования, таланта, характера, темперамента, убежден-

ности, целей и, в конце концов, от быстро меняющейся социально-политической обстановки. С одной стороны — Лукреций, хотя и неортодоксальный эпикуреец, но страстный почитатель Эпикура и последовательный пропагандист своей идеи — сделать сограждан счастливыми и свободными от суеверных заблуждений, человек, нашедший в эпосе свой "negotium". С другой стороны — Гораций, эклектик в философии, почитатель изрядно вульгаризированной доктрины эпикурейского наслаждения, решающий вопросы нравственного совершенства в тени невозмутимого "otium", без желания заниматься политикой и социальным переустройством общества. Лукреций для Горация — источник идей, образец римского дидактического искусства, генератор свободно переосмысленных образов. Один из них страстно учит, другой весело поучает. И, вероятно, отсутствие такой страсти к просвещению, призыв к очищению не через пропаганду знаний о физическом (атомистическом) строении мира, а через отказ от излишества и роскоши приведут Горация в будущем к стоицизму, к философии, в большей степени направленной "на себя", где удовольствие жизни заключается в аскетичности и ориентации на другие ценности. Поскольку Лукреций не был для Горация единственным источником эпикуреизма, последний в большей мере воспринял его поэтический мир, чем философские эссеисы.

Примечания

1 Гаспаров М.Л. Римская поэтическая и повествовательная литература // Вопросы античной литературы в зарубежном литературоведении / Отв. ред. М.В. Грабарь-Пассек. М., 1963. С. 121. — Ср.: Дератан и Н.Ф. Lucretiana (проблема изучения Лукреция) // Вестник древней истории. 1950. № 1. С. 217.

2 Cic. Ep. ad fr. Quint. 2, II, 5; Stat. Silv., II, 7, 76.

3 Так, например, лукрециевским стихам "Avia Pieridum peragro loca..." (I, 926-950) подражали Вергилий (G., III, 10 sqq., вместе с 291 sqq.), Гораций (Sat., III, 30, 13; S., II, 4, 34; Ep., I, 19, 21), Проперций (Prop., III (IV), 1, 3). Манилий (Man., I, 3-6) и др.

4 См.: Утченко С.Д. 1) Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952. С. 96 сл., 100 сл.; 2) Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 267 сл.

5 См.: Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 2. М., 1985. С. 130.

6 О влиянии поэмы Лукреция на ранний период творчества Горация см.: Merril W.A. On the influence of Lucretius on Horace // The Classical Philology. 1905. Vol. 1. N 4. P. 118 sqq.

7 Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия в римской культуре // Культура Древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1. М., 1985. С. 320.

8 См.: Степанов В.Г. К проблеме композиции поэмы Лукреция // Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. С. 98.

9 Чекалова Е.И. Философская поэма Лукреция "О природе вещей": Автореф. канд. дис. Л., 1974. С. 8.

10 Там же. С. 12-13.

11 Покровская Э.А. Античный философский эпос. М., 1979. С. 58.

12 Так, вероятно, понимает его Вергилий, завершающий книгу II "Георгии" подобным образом (см.: G., II, 540).

13 См.: Q. Horatii Flacci Opera omnia / Ed. J.M. Gesner. Londini, 1821, ad locum.

А.К. Гаврилов

IANATI FELICES И ПОЗДНЕЕ ВОЗМЕЗДИЕ БОГОВ
(Petr., Satyr., 44; Hor., Sat., III, 2, 31 sq.)

В произведениях Горация, притом не только в "Сатирах", но и в "Одах", любителю Петрония бросаются в глаза как бы семена поэтических идей, выражений, иногда целых сцен "Сатирикона". Отмечавшаяся давно близость Горациевой "Сатиры" II, 8 и атмосферы глав "Сатирикона", рассказывающих о пире у Трималхиона, несомненна и поучительна. Нетрудно заметить, однако, и более любопытные случаи литературного воздействия Горация на Петрония. Как мы постараемся показать ниже, слова *dii pedes iana-*

© А.К. Гаврилов, 1992